

КАПИТАНЫ
РУССКОЙ
ФАНТАСТИКИ

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

ИМЕНЕМ
ТЬМЫ

ЛИК ЧЕРНОЙ ПАЛЬМИРЫ

Владимир Николаевич Васильев
Именем Тьмы. Лик
Черной Пальмиры
Серия «Капитаны русской фантастики»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69802879

Именем тьмы. Лик Черной Пальмиры:

ISBN 978-5-222-40787-5

Аннотация

Тысячелетиями Светлые и Темные Иные чтили Великий Договор, на котором держалось хрупкое равновесие между силами Добра и Зла. Но настали смутные времена – и Договор был нарушен! В Санкт-Петербурге, самом магическом городе России, просыпается новая сила, неподвластная ни Свету, ни Тьме. С ее носителями не может совладать ни одна из сторон... И тогда в дело вмешивается Инквизиция!

Содержание

Пролог	7
Глава первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владимир Васильев

Именем тьмы. Лик

Черной Пальмиры

© Оформление: ООО «Феникс», 2023

© Текст: Владимир Васильев, 2003

© Иллюстрации: Игорь Приходкин, 2023

© В оформлении обложки использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

*Тьма считает неуместными комментарии к
данному тексту.*

Дневной Дозор

*Свет считает неуместными комментарии к
данному тексту.*

Ночной Дозор

Инквизиция, как всегда, молчит.

Без подписи

Пролог

С утра опять шумели под окном, мешали спать. Арик долго пребывал в пограничном состоянии между сном и явью; дремота то одолевала его, и тогда сознание проваливалось в полную грез неизведанную бесконечность, то отступала, вспугнутая чьими-то не по-утреннему бодрими окриками. После часа маеты Арик все-таки сдался. Отбросил одеяло, под которым прятался от шума, встал и кое-как добрел до окна. Однако с этого ракурса было не рассмотреть, что творится перед домом. Тогда он собрался с силами и направился в соседнюю комнату, что при размерах квартиры было практически подвигом. Отдернул штору, вышел на балкон.

На улице Гоголя снова снимали кино.

В Одессе постоянно снимают кино. И все время почему-то на Гоголя. Арик припомнил, как лет пятнадцать назад вот так же лениво наблюдал с балкона Ежи Штура в окружении киношных «армян», проходящего мимо скульптуры на углу дома напротив, – кстати, когда-то Арик жил в нем. В доме напротив.

Тогда Махульский снимал «Дежа вю». Что снимали сейчас – бесполезно было гадать, но Ежи Штура он нигде не видел.

Арик постоял еще немного, поглядел, прищурившись, на море, вздохнул и побрел в сторону ванной.

На улице было так хорошо, что, умывшись-проснувшись-позавтракав, он решил прогуляться.

Спустя час Арик вышел из-под арки, с легким отвращением покосился на бестолково суетящихся киношников, обогнул съемочную площадку, огороженную полосатой ленточкой, и направился к Тещиному мосту. У кафешки он задержался, купил бутылочку пива и не спеша выцедил ее тут же, за столиком. Лето и солнце делали свое дело – настроение неуклонно улучшалось даже у Арика с его меланхоличной и созерцательной натурой.

По мосту он шел нарочито медленно, довольно жмурясь и искоса поглядывая вниз. Как всегда, в Одессе было полно туристов, поэтому Арику дважды вручали фотоаппараты и просили запечатлеть. На фоне. Арик без возражений запечатлевал – жалко, что ли?

Еще издали он заметил, что любимое место на ступенечках колоннады Воронцовского дворца занято. Сначала Арик огорчился, но чем ближе подходил, тем меньше оставалось от возникшего огорчения.

Во-первых, на его место посягнула девушка. А во-вторых – одинокая девушка. Во всяком случае, без спутника. Симпатичная, длинноволосая и грустная. Явно не местная, что легко угадывалось по нетронутой солнцем коже.

А еще она была Иной. Причем без регистрации.

Впрочем, присмотревшись, Арик нашел объяснение отсутствию регистрационной печати: Иная была дикая. И, по-

хоже, в сумрак ходить училась сама, без чьей бы то ни было помощи, поскольку аура только-только начала окрашиваться ко Тьме. После грамотной инициации не остается так много нейтральных тонов.

«Так-так! – подумал Арик с невольным подъемом. – Дикарка, значит. Ничего так выглядит... В моем вкусе».

Он не любил прятаться и таиться. Вошел в сумрак за несколько шагов до ступенек, приблизился и сел рядом.

– Здравствуй.

Девушка удивленно взглянула на него. Должно быть, нечасто ей встречались Иные. Если вообще встречались.

Хотя встречались, разумеется. Иначе откуда шаг в сторону Тьмы? Дикари-одиночки почти всегда остаются нейтралами, потому что ничего еще не знают о вечном противостоянии двух группировок Иных.

– Здравствуй...

Девушка непроизвольно отодвинулась, внимательно глядя на Арика.

– Ты приезжая?

– Да... из России.

Арик понимающе кивнул.

Становилось жарче – день разгорался во всю летнюю мощь.

– И как тебе Одесса?

Арик слегка приоткрылся, обнажая вполне мирные намерения и демонстрируя хорошее настроение; уже через

несколько секунд девушка впервые расслабила лицо в полу-улыбке.

– Нравится! Правда, люди здесь какие-то... другие.

– Да уж, – вздохнул Арик. – Какие – другие, а какие – так и вовсе... Иные...

Не поняла. Просто улыбнулась. Точно, дикарка. Странно, что ребята ее не засекли... Впрочем, возможно, она недавно приехала. А ребята, поди, с утра на пляже пиво сосут после вчерашнего. Кто ж тебя инициировал-то, детка? И почему тайно?

– Извини, кажется, я заняла твое место? Ты тут обычно сидишь?

Арик подумал, что в последний раз задерживался на ступенях колоннады недели три назад, когда показывал Шведу новый пистолет. Но вслух об этом распространяться, разумеется, не стоило.

– Иногда сижу. Смотрю на море... и вообще. Меня зовут Арик. Я живу во-он там, через мост и сразу налево.

– Здорово! Я – Тамара.

– Хочешь, я покажу тебе Одессу?

– Конечно хочу!

От настороженности девушки не осталось и следа, хотя Арик не прилагал к этому никаких специальных усилий. Тамара как Иная тянула примерно на третий уровень, поэтому Арик смог бы как угодно ее заморочить. Но ничего из магического арсенала применять не хотелось, да и не было в том

нужды.

Арик встал, помог Тамаре спуститься по лестнице и повел ее на бульвар.

Куда же еще?

Глава первая

Глава киевского Дневного Дозора Александр Шереметьев удивительным образом сочетал привязанность к роскоши с равнодушием к неудобствам. Мало кому известно, что он долгие годы обитал в небольшой двухкомнатной квартирке рядом с площадью Победы. Квартирке, где под посеревшим от времени потолком висели гроздь пыльной паутины, где пройти из комнаты в комнату удалось бы лишь по узким тропинкам, – остальное пространство было сплошь завалено книгами и вещами, многие из которых любой здравомыслящий человек имел полное право назвать рухлядью. Но хозяин плевал на мнение гипотетических посетителей. Хотя бы потому, что он не любил перемен. Хотя бы потому, что большинство лиц на старых портретах, развешанных по всем стенам, были ему прекрасно знакомы по прошлому. Хотя бы потому, что рухлядью, когда она была еще не рухлядью, в свое время пользовались его предки и родственники. Большею частью уже умершие.

Да и посещали Шереметьева считанные люди. В основном – Иные. А сам он дома даже не жил – просто любил бывать. Иногда ночевал. Иногда варил себе кофе или заваривал чай. Очень редко готовил. Если главе киевских Темных хотелось обычной пищи, он направлялся в какой-нибудь ресторан, причем с равной вероятностью мог выбрать шикар-

ный «Конкорд» на площади Льва Толстого или достаточно скромную «Викторию» напротив универмага «Украина».

«Викторию» Шереметьев выбирал чаще. Потому что располагалась она в пяти минутах ленивой – без всяких глупых порталов – ходьбы от дома. Через площадь Победы и через двор с новостройками.

Нет, конечно, когда того требовал имидж, – присутствовали и размах, и стиль, и то, что Шереметьев привык называть «понтом». Но бывать в местах, где обычно ошиваются новые хозяева жизни, он все равно не любил. Зато в той же «Виктории» вермут ему подавали в старинном бокале из венецианского стекла – всегда в одном и том же. Пиво – в германской кружке с крышкой (если светлое) или ноттингемском эльгварде (если темное). Кофе – в глиняной турецкой чвыре, расписанной еще во времена султанов, и непременно при потемневшей от времени серебряной ложечке с полустертой надписью на неведомом языке. Обеденный сервиз для трапез отличался от вечернего-ночного. Первый состоял из восемнадцати предметов, второй – из пятнадцати. В «Викторию» же доставляли любимые сигары Шереметьева, да и вообще половину поставок организовал именно он, единожды потолковав с директрисой. Естественно, что постепенно «Виктория» превратилась в неофициальный клуб киевских Темных. Дозорные чаще бывали здесь, чем в офисе, расположенном на Банковой десять, в знаменитом доме с химерами. Там вынужденно скучали лишь дежурные да мо-

лодняк, еще не пресытившийся дозорной романтикой.

Так сложилось, что Темные Иные в Киеве уже много лет жили тихо и спокойно. Даже со Светлыми как-то умудрялись по-мирному ладить. Не без мелких рутинных пикировок и объяснений, конечно, но на то и Дозоры, чтобы заниматься рутинной. Не многие дозорные, даже из достаточно бывалых и опытных, могли похвастаться тем, что воочию когда-то лицезрели настоящего инквизитора. Древний город умел примирять даже заклятых врагов. Недаром в среде Иных на Украине пятилистник каштана, символ Киева, одновременно стал символом окончания военных действий и призывом к переговорам – стоило только отослать пятилистник противной стороне.

Лето подмяло Киев мягко и незаметно – вроде бы еще недавно с Днепра тянуло зябкой прохладой, вроде только-только успели обрести листвой деревья, как вдруг разом воцарилась сушая жара. Даже столбик старинного ртутного градусника Реомюра, разумеется, принесенного в «Викторию» Шереметьевым, лишь чуть-чуть не достигал тридцатки.

Именно в такой день глава Дневного Дозора Киева Александр Шереметьев (для большинства окружающих – просто Лайк) вынул из специального кармашка жилетки древние часы-луковицу, встряхнул, отворяя крышку, вскользь поглядел на филигрань стрелок над циферблатом, пустил в потолок затейливую струю дыма и негромко позвал:

– Ефим!

От крайнего в ряду игрового автомата-флиппера тотчас оторвался худощавый молодой человек, обросший густой черной бородой. Добавь хасидскую шляпу и пейсы – получился бы стопроцентный еврей из ближайшей миссии. Впрочем, Ефим когда-то и впрямь считал себя евреем. Пока его не нашли и не инициировали Темные. Но хасидской шляпы и пейсов не носил ни раньше, ни теперь.

– Да, шеф? – вопросительно протянул он, обернувшись, но не слезая с высокого стула.

– Лимузин, – коротко велел Шереметьев.

Ефим двинул бровями: обыкновенно шеф предпочитал ездить на «Субару». Но... пути высших магов причудливы и, конечно же, неисповедимы. Поэтому Ефим просто снял с пояса мобильник, связался с шофером и передал распоряжение.

Угольный «роллс-ройс» подкатил к «Виктории» спустя семь минут. Лайк докурил, встал, чмокнул на ходу официантку и направился к выходу. В зале на миг стало тише.

– Ты куда? – с восхитительной непосредственностью спросила совсем еще юная ведьма Анжелка, любимица шефа. Впрочем, у шефа все особы женского пола моложе сорока ходили в любимицах.

Кого-нибудь из парней за подобный вопрос Шереметьев мог и взгреть. Темные постарше глупых вопросов, само собой, задавать бы не стали. Но к юным ведьмочкам как не от-

носиться снисходительно! Да и никакой тайны в намерениях Шереметьева, собственно, не имелось.

– В Борисполь, – по обыкновению скупо пояснил он.

О времени возвращения шеф Темных распространяться не стал. Зачем?

В лимузине Лайк первым делом потянулся к бару. Шофер тронул без лишних расспросов – слова шефа он уловил и отсюда, из кондиционированного нутра дорогой и пока еще не слишком привычной для киевлян машины. Длиннющей, как дирижабль, и красивой, как молодая касатка.

Уже перед самым Борисполем шофер уточнил:

– В аэропорт, Александр Георгиевич?

– Да, к московскому.

Лайк всегда бывал до талантливости краток.

Привычно заморочив охрану перед служебным въездом и попутно выяснив, где произойдет высадка с московского рейса, водитель, пожилой и очень поздно инициированный дядечка по имени Платон Смерека, покатыл к нужному месту. При этом он старательно соблюдал правила езды по летному полю. Пузатый «Боинг» уже грузно заруливал на посадку.

Лайк искоса наблюдал за полосой, не выпуская из руки бокала с вермутом. «Боинг» сел и теперь неторопливо полз к месту стоянки, где суетились рабочие со шлангами и прочей аэродромной механикой.

Наконец подали трап, и люк отворился, выпуская первых

пассажиров. Только сейчас Лайк толкнул дверь и вышел из лимузина.

Посторонние ни шефа Дневного Дозора, ни «роллс-ройса», ни шофера не замечали. Легкое, почти незаметное закливание – и вместо машины и Иных обыкновенные люди видят пустоту. Серые плиты летного поля да дрожащий над ними горячий воздух.

Тот, кого встречал Лайк, вышел на трап одним из первых. Чуть выше среднего роста, худой до впалости щек, в темном костюме, серой рубашке и черных туфлях с квадратными носами, начищенных так, что в них отражался белоснежный бок самолета. При нем не было ни сумки, ни барсетки – ничего. Пустые руки. Да и багажа у него не имелось, как впоследствии выяснилось. Совсем.

Худой человек в темном костюме неторопливо спустился по трапу и сразу же отделился от других пассажиров, муравьиной цепочкой тянувшихся от самолета к современному аэродромному автобусу, какие с некоторых пор появились в Бориспольском аэропорту. На него никто не обратил внимания, хотя он прошел перед самым носом стюардессы и едва не столкнулся с рабочим у переднего шасси.

Шеф киевского Дневного Дозора молча ожидал у лимузина с приоткрытой дверцей.

Гость тоже был шефом Дневного Дозора. Только московского.

Они медленно сошлись и замерли в двух шагах друг пе-

ред другом. Не то чтобы чопорно или церемонно, но с таким видом, будто между ними текла Эльба.

– Здравствуй, Завулон, – сказал Лайк сухо.

– Здравствуй, Тавискарон, – в тон ему отозвался гость. В голосе гостя тоже не чувствовалось открытой радости или приветливости, свойственной давно не встречавшимся людям. Скорее можно было предположить, что расстались они вчера, причем заранее зная о сегодняшней встрече.

Киевлянин болезненно поморщился.

– Давай без... церемоний, – предложил он.

– Давай, – охотно согласился москвич. – Здравствуй, Лайк.

– Здравствуй, Артур. Обниматься будем?

– Зачем?

Шереметьев едва заметно улыбнулся:

– От избытка нахлынувших чувств.

– А, – понял гость. – Шутим. Хорошо, давай обнимемся.

В конце концов, я действительно давно тебя не видел и даже рад встрече.

– Я тоже рад, Артур. И мы действительно давно не виделись.

Они шагнули навстречу друг другу и обнялись – без пошлых поцелуев и похлопываний по спине. Просто и коротко. Потом пожали руки. Тоже коротко, по-деловому.

– Поехали? – спросил Лайк.

– Подожди секундочку, – попросил москвич.

А затем повернулся на запад, туда, где за невидимым горизонтом лежал Киев. Древний и всегда молодой Киев.

– Здравствуй, Город, – серьезно сказал Артур-Завулон и поклонился.

На поросшем деревьями склоне Владимирской горы враз смолкли птицы. Ненадолго, всего на четверть минуты. Но никто из киевлян этого все равно не заметил.

* * *

– Куда ты меня везешь на этот раз? – поинтересовался Артур-Завулон, когда лимузин миновал мост Патона и свернул на набережную. Голос у гостя звучал небрежно и с еле уловимой ноткой раздражения.

– В «Ле Гранд Кафе», – невозмутимо ответил Лайк. – Ты там еще не бывал.

– Это где? На Крещатике? Что-то до смерти престижное?

– Не на Крещатике, но рядом. А что? Хочется тишины?

– Хочется воспоминаний, – вздохнул Артур с непонятной тоской. – Слушай, ну их, эти «Ле гранды». Поехали лучше на Андреевский, а? В корчму «Під липою».

– На Андреевский? – удивился Лайк. – Можно, конечно... Только там сейчас не корчма, а респектабельный ресторан с хрусталем и прочим. «Світлиця» зовется. А что, воспоминания?

Гость снова вздохнул:

– Воспоминания, коллега. Причем больше с корчмой, чем с Андреевским спуском. Ну с замком Ричарда еще.

– Странное место для Темного. В смысле воспоминаний и прочей ностальгии.

– Ха! Можно подумать, Малый Власьевский в Москве – не странное место для Темного!

– А странное? – насторожился Лайк.

На Малом Власьевском он обыкновенно останавливался в Москве. У знакомой ведьмочки.

Артур вздохнул и в третий раз:

– Да не то чтобы очень... Но как-то наши все резко разлюбили Арбат. И окрестности.

– А почему?

– Да мерзко там стало. Как в Питере прямо.

– На Арбате? Как в Питере? Артур, не пугай меня. Москва не может настолько испортиться.

– Вся Москва и не испортилась, – буркнул Артур, неожиданно мрачней. – Только Арбат. А что до Питера...

– Давай о делах попозже, – прервал его Лайк. – Я настаиваю. На правах хозяина.

– Уговорил.

– Знаешь, чуть ниже, на Подоле, есть маленькая кафешка, очень похожая на «Під липою» тех времен. Тебе понравится.

Поехали туда?

– Поехали.

Лимузин тем временем поднялся на Владимирскую и ми-

гом домчал почти до самой Андреевской церкви. Бульж-ная мостовая спускалась к Подолу. Между старыми камнями виднелись высохшие промоины, пути неистовых весенних ручьев.

– Стоп! Дальше пешком. Традиции, надо чтить...

Артур неожиданно закричал – совсем по-стариковски – и неловко шевельнулся в кресле.

«Спина у него, что ли, болит?» – подумал Лайк с некоторым недоумением. Для мага такого уровня поправить здоровье – вообще не вопрос. Дело нескольких минут.

Но внезапно Лайк понял. Это не спина. Это память. Она подчас вытворяет очень странные вещи. Особенно с Иными, ведь у них память куда дольше, нежели у обычных людей.

Лайк не стал ничего говорить гостю – просто принял из его рук стакан, водворил в бар и открыл дверцу лимузина. Артур толкнул дверцу с другой стороны.

Немногочисленные туристы вряд ли впечатлились видом лимузина. А вот достаточно неприметный вид пассажиров вполне мог бы кого-нибудь удивить.

Но не удивил. Темные не любят привлекать к себе внимание без веских на то причин. Светлые – да, любят. Этим Силой не корми, дай окутаться сиянием, ореолом, покрасоваться в белых одеждах. Мол, знайте, черви-человечишки, кто вас от бед бережет. Самое забавное – человечишки верят.

Лайк всегда находил это смешным и нелепым. Поэтому все то же простенькое заклинание, отводящее чужие любо-

пытные взгляды, прикрыло двоих Темных магов. До самого места, где некогда располагалась корчма, а теперь «Світлиця», их никто не увидел. Ну а потом оба сделали вид, будто из этой самой «Світлиці» вышли. Так, на всякий случай, по въевшейся за многие годы привычке к скрытности.

Место на Подоле, куда Лайк привел гостя, было обычной кафешкой без намека на фешенебельность. Даже официанток не имелось – приходилось самому тащиться к стойке, заказывать, а потом забирать поднос со снедью. Лайк в любое время предпочел бы что-нибудь классом не ниже «Виктории», но желание гостя – закон. Тем более такого гостя. Московские Дозоры всегда котировались повыше киевских, да и Артур-Завулон был старше и искуснее. Не в силу более продвинутых способностей – просто в силу возраста. Сравнить магов вне категорий вообще сложно. Да и не приходила Артуру и Лайку в головы идея померяться мощностью. Никогда. За очевидной ее бесплодностью.

Какое-то время прошло в обоюдном молчании – сразу переходить к делам никому не хотелось, а тратиться на вежливо-бестолковый разговор о погоде или еще каких пустяках таким личностям не пристало. Вместо этого оба отдали должное горилке с перцем, фирменным шкваркам и котлетам по-киевски. Снедь в кафешке готовили простенькую, без претензий, для среднего обывателя. По цене и качеству. Впрочем, и королям очень часто хочется простоты.

Наконец Завулон довольно откинулся на спинку стула и

оторвал смягчившийся взгляд от посуды. На лице его отразился некий отдаленный намек на блаженство – скорее духовное, чем мирское.

– Как тут у вас? – спросил он хозяина.

– Да тихо вроде. Хоть в отпуск езжай. И поеду, шоб я был здоров! Только ближе к лету, когда потеплеет по-настоящему. В Крым. В горы.

– А то ты не знаешь, что сей год по-настоящему потеплеет только в июле!

– Так я и говорю, – ухмыльнулся Лайк, – ближе к лету.

– А, ну да, – кивнул Артур. – Ты ведь всегда был теплолюбивым.

Помолчав секунд десять, Артур пожаловался:

– А нам последнее время туго приходилось. Светлые такую волшебницу заполучили, у-у-у-у... Еле убрали ее лет на полста.

– Н-да, – Лайк сочувственно цокнул языком. – Полста лет промелькнут – и не заметишь. Это когда Зеркало приходило?

– В частности. Там очень сложная история завернулась, явление Зеркала – лишь часть ее. Кстати, что это за субстрат, а? Виталий Рогоза из Николаева. Ты его знал?

– Нет, – помотал головой Лайк и потянулся к бутылке. – Еще по одной?

– Давай, – не стал возражать Артур.

Разговор медленно, но верно стал приближаться к цели

визита московского гостя.

Артур-Завулон не сообщал в Киев о приезде. Просто, явившись утром к офису на Тверской, молча сел в BMW Шагрона. А тот так же молча отвез его во Внуковский аэропорт. А Лайк легко распознал пылающую вероятностную нить и поехал встречать его в Борисполь.

– Наверное, Швед этого Рогозу знает, – предположил Лайк, закусив. – Можно расспросить.

– Швед – это кто?

– Николаевский. Свой Иной. Я мало кому могу доверить спину... Ему – могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.